

In so far as contemporary society has a post-modern nature, it is likely to be suspicious of pre-modern and possibly modern religious movements. In so far as state authorities are themselves pre-modern or modern they are likely to be concerned about the disregard for authority and the crossing or transcending of traditional boundaries of permissible behaviour by the more post-modern movements.

In so far as groups or movements have a religious or spiritual nature, they may have a stronger motivation underpinning their actions than those uninterested in such dimensions to their world view – although it cannot be forgotten that non-religious, including strongly atheistic, worldviews have provided the motivation for many sweeping changes in our not too distant history.

But all societies have laws to protect their citizens from criminal behaviour, and in my country (Britain) as in many other countries, it is a widely held opinion that it is a person's actions rather than their beliefs which should determine how they are treated by the law. In such countries, the members of new religions are just as liable, but no more liable, to be punished by the state should they be found guilty of criminal activity.

In so far as a new religious movement is innovative, this could present a challenge for both individuals and the society at large – it could present a real danger, a perceived danger – or it could be accepted as advantageous to either the individual or the state – or to both.

In assessing the challenges with which we are presented, I would suggest that we need laws that are made and enforced according to due process by a democratically accountable state – and we need accurate knowledge about the new religions – not ignorance, misinformation or defamatory labelling – all of which can, on the one hand, obscure those genuine dangers to which individuals and society need to be alerted, and, on the other hand, lead to the abuse of human rights of citizens who hold beliefs and wish to follow a lifestyle that differs from our own, but which can be perfectly compatible with – and even enrich – our ways of life in an increasingly diversifying society.

Игорь КАНТЕРОВ (Москва, РОССИЯ)

НОВЫЕ РЕЛИГИИ В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

В функционировании новых религиозных движений в постсоветской России можно выделить три периода (этапа).

1-й период - 1991- 1993 г.г. Он характеризуется бурным распространением, «триумфальным шествием» НРД по территории России. При этом следует учитывать факт возникновения и активного миссионерства новых религиозных движений в России еще в советский период. Правда, они тогда находились в полуполюгальном или нелегальном статусе, хотя некоторые из них (например, Церковь Божией Матери Державная) вели себя весьма активно, проводили богослужения, издавали книги и брошюры.

В рассматриваемый период отношение общества к возникающим типам религиозных образований в целом было толерантным, а нередко даже и позитивным. Во многом это объясняется реакцией на крушение идеологической и политической монополии одной партии, повлекшей за собой преодоление господствовавшего представления о религии, как пережитке прошлого, помехи на пути построения коммунистического общества. Возникновению и беспрепятственному распространению новых религиозных движений в России в немалой степени благоприятствовало и

возобладание в государственно - конфессиональных отношениях установка о плюрализме как условия реальной свободы совести и неременном условии принадлежности государства к категории демократических. Данная установка была положена в основу Закона РСФСР «О свободе вероисповедания» от 25 октября 1990 года. В нем государство проявляет терпимость к широкому самому широкому спектру религиозных взглядов и убеждений. Гарантируется не только свобода выбора вероисповедания, но и право на изменение религиозных убеждений.

Доля успеха основателей и миссионеров новых религиозных движений была обусловлена и недостаточной активностью «исторических религий». К тому же, они ассоциировались у части российского населения, главным образом молодежи, с институтами, в которых верующие лишь пассивно и эпизодически участвуют в богослужениях, соблюдении обрядов, а жесткие уставы не дают возможности для самовыражения, тем самым направляя духовные искания к альтернативным формам религиозности. Внимание к НРД иностранного происхождения нередко было продиктовано общим интересом к жизни стран Запада и Востока. Этот интерес особенно в перестроечный период, когда появилась возможность непосредственных контактов и общения с иностранцами. И нередко таким первым иностранцем оказывался миссионер того или иного нового религиозного объединения, занимающийся поисками приверженцев этого объединения.

Объединения и группы, возникшие в постсоветской России, имели различны параметры. Одни из них находились на стадии формирования вероучения и культовой практики, другие (прежде всего зарубежного происхождения) - обладали разработанной догматикой и обрядностью. Некоторые из них представляли аморфные образования, объединяющие не более 20 последователей, другие были жестко структурированы и насчитывали тысячи последователей. Социально- демографические характеристики последователей новых религиозных движений в России в целом близки к соответствующим показателям сторонников этих движений в США и Западной Европе. Значительную часть неорелигиозных образований составляет городское население.

К началу 1993 года явственно определились «лидеры» новых религиозных движений, развернувшие свою деятельность в России. Среди них – Церковь объединения, Международное общество Сознания Кришны, Церковь Саентологии. По классификации зарубежных социологов религии к новым религиозным движениям причисляют и Свидетелей Иеговы, быстрыми темпами умножавшими ряды своих последователей в постсоветский период.

В силу значительной разнородности (вероучительной, организационной, численностью последователей, материальными возможностями) новые религиозные движения начинали свою деятельность в России в неодинаковых «стартовых условиях» условиях. Одни на первых порах весьма эффективно использовали приемы миссионерства, апробированные в других странах, другим приходилось «на ходу» искать привлекательные формы обращения, апеллируя к разным возрастным и социальным слоям населения.

Русская Православная Церковь поначалу не видела в возникающих религиозных объединениях опасности для Православия. Более того, видные иерархи Русского православия встречались с руководителями зарубежных религиозных объединений, развернувших свою деятельность в России. Так, в Москве, в Свято - Даниловом монастыре с 28 октября по 1 ноября 1989 года Советом Мировых религий (основанным Муном) была проведена конференция на тему «Троичные основания христианского единства». Участвовавший в работе конференции представитель Церкви объединения Чон Ван Куак прибыл в СССР по особому приглашению РПЦ и имел аудиенцию у митрополита Филарета (Вахромеев), который затем, в свою очередь, был приглашен на Ассамблею мировых религий, в США, где встретился с Муном.

В 1992 году другой видный иерарх РПЦ встречался с Секой Асахарой, филиал которой развернул активную деятельность в России. В рекламных буклетах российского

отделения «АУМ Синрике» сообщалось о передаче в дар РПЦ достаточно крупной суммы для приобретения бумаги.

2-й период функционирования НРД на территории России - 1993-1997 г. г. Он характеризуется возникновением различных форм противодействия распространению новых религиозных образований. Правда, еще весной 1992 года Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II обратился с письмом в Верховный Совет Российской Федерации с просьбой ограничить деятельность иноверцев. Летом 1993 года в высшем законодательном органе России началось обсуждение изменений и дополнений к действующему закону «О свободе вероисповеданий», ограничивающие право иностранных религиозных организаций, а также лиц, не имеющих российского гражданства, заниматься миссионерской и издательской деятельностью. Перед голосованием среди депутатов распространялось письмо Патриарха Алексея II: «От лица Русской Православной Церкви, к которой принадлежит большинство Россиян, свидетельствую, что предлагаемые изменения и дополнения отвечают чаяниям и потребностям православного клира и потребностям церковного народа»

В 1994 г. свое отношение к возрастающему распространению посткоммунистической России разнообразных духовных образований сформулировала авторитетная инстанция Русской Православной Церкви - Архиерейский Собор. Им было принято определение «О псевдохристианских сектах, неоязычестве и оккультизме», в 16 пунктах которого раскрываются причины возрождения старых гностических культов и возникновение так называемых «новых религиозных движений», перечисляются наиболее опасные для Церкви Христовой типы современных лжеучений, дается наставление о том, как следует чадам Божиим противостоять ложным взглядам сектантских проповедников.

Распространение псевдохристианских сект, неоязычества и оккультизма расценивается Собором как явление глобальное, охватившее в наши дни многие народы Земли, которые «находятся в состоянии духовного кризиса, в условиях всесторонней секуляризации, размывающей правильные представления о Едином Истинном Боге и о человеке как творении Божиим, призванном исполнять волю Его». Таким образом, природа рассматриваемого феномена осмысливается в двух измерениях: всемирно-историческом (на протяжении всей земной истории в мире восставали противники Христовой веры) и конкретно-историческом (набором факторов и обстоятельств, благоприятствующих в наши дни появлению и распространению этого феномена). Конкретно-историческое измерение дополняется особым выделением причинной связи активизации сектантов с многолетним господством атеистических режимов в Странах СНГ и Балтии, которое «насиленно лишило несколько поколений людей истинной веры, породило пустоту в душах, нуждающихся в духовной пище».

В Определении Архиерейского Собора РПЦ выделяются две основные разновидности действующих в России «лжерелигий». К первой, возникшей на «отечественной почве», относятся объединения, созданные и руководимые лжепророками. Это - «Собор новой Святой Руси» (Богородичный Центр), «Белое Братство», «Церковь последнего завета». За ними следуют язычество, астрология. Выделяются теософские и спиритические общества, основанные Еленой Блаватской, и «Учение живой этики», введенное в оборот семьей Рерихов и называемое также «Агни-йогой».

Вторая разновидность включает в себя группы и объединения, попавшие в Россию из-за рубежа. В перечне таковых значатся религиозные объединения, получившие распространение образования на конец 1994 г. Перечень открывает Ассоциация Святого духа за объединение мирового христианства («Церковь Муна») в этот период, несомненно, находившейся среди лидеров организаций иностранного происхождения по активности и масштабам вовлечения россиян в ряды последователей и сочувствующих. Называется также «Аум Синрике» - российский филиал японской организации, переживавший настоящий бум, насчитывающий в нашей стране около 40 тыс. приверженцев. Это одно из немногих зарубежных и отечественных религиозных новообразований, использующих в

своей деятельности возможности радио и телевидения. Вместе с объединениями иностранного происхождения, обладающими устойчивыми структурами и внушительной поддержкой «материнских организаций», в «Определении» выделяются «различные направления учений «Новой эры», «Эры Водолея», отличающиеся организационной аморфностью, отсутствием четко сформулированной доктрины.

В 1992- 1993 г.г. России возникают группы и объединения, заявляющие о своем негативной отношении к новым религиозным объединениям и требующие ограничения или полного запрета их деятельности. Активными противниками НРД выступали объединения родственников членов новых религиозных объединений, масс-медиа, некоторые политические партии. В 1993 г. в Москве образовывается Информационно-консультативный центр священномученика Иринея Лионского, возглавляемый А. Л. Дворкиным. В задачу центра входит получение сведений о деятельности тоталитарных и деструктивных сект и культов, а также информирование общества и государственных учреждений о вреде сектанства. В своей книге «Сектоведение» (Нижний Новгород, 2000) Дворкин формулирует понятие «тоталитарная секта» (культ), получившее широкое распространение в масс-медиа, в лексиконе православного духовенства, богословов, государственных служащих и в публикациях некоторых религиоведов.

Шумно заявившие о себе религиозные новообразования сразу же вызвали повышенный интерес средств массовой информации. Репортажи о культах с экзотическими названиями, их лидерах, провозглашающих себя мессиями и божествами, передавались по каналам телевидения, публиковались в самых авторитетных и многотиражных изданиях. Основной упор делался на разоблачении изощренных приемов, с помощью которых людей будто бы завлекали в культы. Сообщалось об огромных богатствах их лидеров, добытых нечестными путями – вымогательством, обманными посулами и обещаниями, поверившим им людям. Подобные репортажи формировали негативные представления в общества о новых религиозных движениях. Они дополнялись обширной информацией обличительного содержания, исходящей из конфессиональных кругов. С этими стереотипами не соглашались исследователи, занимавшиеся изучением природы новых религиозных движений и конкретных проявления данного феномена. Однако их взгляды не доходили до широкой аудитории.

Актуализация «сектантской тематики», превращение ее в «новость дня» обуславливается несколькими факторами и обстоятельствами. В общероссийском масштабе - это обсуждение законопроектов о свободе совести или внесение поправок в уже действующее законодательство, в той или иной мере затрагивающий статус религиозных меньшинств, причисляемых ведущей концессией, многими журналистами и даже государственными служащими к сектантам и культам. Другими мотивами, способствующими раскрутке проблематики НРД, были и остаются случаи массовых нарушений законов, совершаемых теми или иными неорелигиозными группами. Так, в течении нескольких месяцев «сектантская тематика» находилась в центре внимания российских СМИ в связи с событиями на Украине вокруг Белого Братства. С весны 1995 г. материалы о тоталитарных сектах вновь становятся «ударной темой» журналистов и политиков. На этот раз поводом послужили трагические события в токийском метро, где активисты религиозной организации «АУМ Синрикё» распылили газ зарин. В результате этих действий 12 человек погибли и более пяти с половиной тысяч оказались в больницах.

В 1995 - 1996 г. г.г. к новым религиозным движениям проявляется повышенный интерес в связи с обсуждением нового Федерального Закона, получившего название «О свободе совести и о религиозных объединениях». В обсуждении законопроекта принимали участие и некоторые действующие в России разновидности НРД. Совместно с юристами, в том числе и зарубежными, проводились конференции, на которых критически оценивались нормы будущего закона, ограничивающие деятельность неорелигиозных объединений.

3-й период - 1997 г. и по настоящее время. Он отмечен функционированием новых религиозных объединений в соответствии с принятым 25 сентября 1997 г. Федеральным Законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» (с последующими изменениями). Некоторые статьи Закона существенно изменяли прежний статус религиозных новообразований, вводя своего рода «ценз оседлости» (в первоначальной редакции – 50 лет, в окончательной – 15 лет) для получения статуса юридического лица и права называться религиозной организацией. В обсуждении законопроекта принимали участие и некоторые действующие в России разновидности НРД. Совместно с юристами, в том числе и зарубежными, проводились конференции, на которых критически оценивались нормы будущего закона, ограничивающие деятельность неорелигиозных объединений.

Большинство «продвинутых» НРД с некоторыми затруднениями, но все же сумели пройти перерегистрацию, получить статус юридических лиц и даже централизованных религиозных организаций.

В настоящее время в России используются самые различные обозначения религиозных объединений, получивших широкое распространение в 60-е - 70-е годы XX столетия в странах Запада, а затем в СССР и посткоммунистической России. Их называют «альтернативными», «оппозиционными», «нетрадиционными», «внеконфессиональными», «возникающими», «культами». Нередко к ним применяют термин «секта», при этом не проводя различий между традиционными признаками сектантских организаций и особенностями современных неорелигиозных образований.

В начале 90-х годов пр. ст. россияне стали свидетелями грандиозного «методологического прорыва» в классификации религий. На свет появился новый термин, никогда ранее не применявшийся к обозначению религиозных объединений. Речь идет о прилагательном «тоталитарный», которое, в сочетании со словом «секта», замышлялось как наименование десятков религиозных образований, имеющих совершенно не похожие вероучения, обряды, социальные программы, численность и состав последователей.

Творцом термина «тоталитарная секта» считает себя А. Л. Дворкин, тогда только что вернувшийся из эмиграции и решивший спасти Россию от самого страшного типа сект — «сект тоталитарных». Правда, сам он весьма скромно оценивает собственный вклад в классификацию религий. Вводя впервые термин «тоталитарная секта». Дворкин и не думал, что вводит новое понятие, — настолько само собой разумеющимся он казался.

По нашему мнению, истоки возникновения этого понятия следует искать вовсе не в очевидности термина «тоталитарная секта». Просто практиковавшийся для противодействия распространения религиозных новообразований термин «деструктивный культ» обнаружил свою малоэффективность. Большинство россиян с ним никогда ранее не встречались и, прежде чем довести смысл этого термина до ума и чувств, необходимо было перевести его на русский язык и разъяснить смысл. Совсем другое дело термин «тоталитарный». Заимствованный из политологического и пропагандистского обихода времен «холодной войны», этот термин тут же вызывает ассоциации с несвободой, лагерями, охраной, колючей проволокой, принудительным трудом, скудной пищей и т.д. Переноса зловещий, пугающий смысл термина «тоталитарный» на область религии, создатели конструкции «тоталитарная секта» рассчитывают таким способом существенно усилить обличительный заряд имеющихся определений, предваряющих слова «секта» и «культ». Именно по причине «узнаваемости» термин «тоталитарный» активно вошёл в использование в российский масс-медийный лексикон. закрепилось употребление этого «нехорошего» термина к новым религиозным образованиям.

В пользу такого предположения говорит и такое немаловажное обстоятельство: в зарубежных антисектантских изданиях, в том числе предназначенных и для массового читателя, термин «тоталитарная секта» не встречается. Таким образом, открытие данного термина и «вбрасывание» его в широкое обращение можно с большой долей уверенности считать отечественным «ноу-хау». Следует иметь в виду также и то, что значительная

часть представителей отечественного научного религиоведения в своих исследованиях и преподавательской работе не пользуются терминами «тоталитарная секта» и «деструктивный культ». Во всяком случае, это относится к московским, санкт-петербургским и уральским светским религиоведческим центрам и школам. И за это они удостоиваются звания «сектозащитников». Поэтому весьма странно звучит утверждение А. Дворкина о том, будто изобретенный им термин «тоталитарная секта» «прочно вошел в наш язык и употребляется буквально всеми...».

Конкретизация признаков «тоталитарности», их наполнение доходчивыми примерами обычно заканчивается выводом о криминальной патологии, имманентно присущей данной категории религиозных групп. Религиозная же терминология выступает всего лишь ширмой, маскирующей изначальную нацеленность тоталитарной секты или культа на нанесение вреда личности и обществу. Таким образом, оценочная терминология, первоначально рожденная в недрах теологии, трансформируется в понятийный аппарат политологии, уголовного и гражданского права. В подробных описаниях функционирования религиозных образований тоталитарного типа ценностные суждения, анализ вероучительных доктрин и обрядовой практики отходят на второй план, уступая место красочным описаниям способов подавления личности, разрушения семей, совершения членами таких образований уголовных преступлений.

Обращает на себя внимание абстрактность и неопределенность характерных признаков религиозных объединений тоталитарного типа. К тому же эти признаки не являются устойчивыми, присущими всем типам религиозных объединений, относимых к тоталитарным. В большинстве своем они носят оценочный характер и могут применяться избирательно. Чаще всего упоминаются такие признаки тоталитаризма, как жесткая авторитарная структура и обожествление лидера. Но ведь жесткие структуры имеются не только у объединений, причисляемых к тоталитарным, но и, например, в католицизме. Да и Папа Римский, глава католиков мира, почитается как наместник Иисуса Христа на Земле. В то же время у многих духовно-религиозных объединений, причисляемых к тоталитарным, никогда не существовало жестких структур. Можно не соглашаться с учением семьи Рерихов и даже быть его решительным противником, но в то же время в объединениях последователей этого учения, даже при очень большом желании, невозможно обнаружить жесткие авторитарные структуры. И, тем не менее, такие объединения почти десятилетие клеймятся как «деструктивные и тоталитарные».

Таким образом, расплывчатость наименований «тоталитарная секта» и «деструктивный культ» позволяет причислять к таким объединениям практически любое религиозное новообразование, религиозно-философское учение, культурно-образовательное или оздоровительное учреждение.

Конкретизация признаков «тоталитарности», их наполнение доходчивыми примерами обычно заканчивается выводом о криминальной патологии, имманентно присущей данной категории религиозных групп. Религиозная же терминология выступает всего лишь ширмой, маскирующей изначальную нацеленность тоталитарной секты или культа на нанесение вреда личности и обществу. Таким образом, оценочная терминология, первоначально рожденная в недрах богословия, трансформируется в понятийный аппарат политологии, уголовного и гражданского права. В подробных описаниях функционирования религиозных образований тоталитарного типа ценностные суждения, анализ вероучительных доктрин и обрядовой практики отходит на второй план, уступая место красочным описаниям способов подавления личности, разрушения семей, совершения членами таких образований уголовных преступлений.

Исходя из сказанного, главным в рассматриваемой терминологической конструкции является прилагательное «тоталитарный», задающее сущностные (криминальные) характеристики обозначаемых типов религиозных объединений. Поэтому использование термина «тоталитарные секты (культы)» представляется некорректным не только в религиоведении, социологии религии, но и в сектоведении. Данные термин

скорее может применяться в уголовном или гражданском праве, но в таком случае использующий его обязан брать на себя «бремя доказывания» тоталитарной (преступной) природы такого типа религиозной организации, ссылаясь на соответствующие судебные решения.

Творцы и приверженцы терминов «тоталитарная секта» и «деструктивный культ» не довольствуются признанием подобных наименований лишь как приема классификации религиозных образований. Они выступают с инициативой о внесении в законодательство Российской Федерации изменений или дополнений, либо о принятии новых законодательных актов прямого действия с целью поставить под жесткий контроль или вовсе запретить деятельность тоталитарных сект (деструктивных культов) и групп, подпадающих под определение таковых.

Применение таких понятий неизбежно приведет к произволу, причины которого, повторим еще раз, изначально заложены в размытости, неустойчивости признаков, образующих содержание понятий «тоталитарный» и «деструктивный».

Что касается противоправных деяний, совершаемых религиозными объединениями, то ст. 14 действующего федерального Закона «О свободе совести о религиозных объединениях» содержит подробный перечень оснований, в соответствии с которыми деятельность религиозных объединений может быть ликвидирована или запрещена. Это могут быть принуждение к разрушению семьи, посягательство на личность, права и свободы граждан, нанесение ущерба нравственности, здоровью, в том числе и с использованием в связи с религиозной деятельностью наркотических и психотропных средств, гипноза. Цитируемый перечень можно продолжить. Но и содержание уже приведенных пунктов ст.14 включает в себя почти все обвинения, выдвигаемые против религиозных объединений, чаще всего причисляемых к «тоталитарным» или «деструктивным». Поэтому каждый раз, когда становится известно о нарушении религиозной организацией или группой ст.14, следует незамедлительно обращаться в правоохранительные органы и в установленном порядке добиваться ликвидации или запрета деятельности такого объединения.

В последние 5 – 7 лет свое несогласие с «тоталитарной природой НРД» высказывают православные сектоведы Р. Конь и О. Стеняев, а также некоторые священнослужители. Известный своими антисектантскими выступлениями в СМИ православный священник Олег Стеняев постепенно отказался от трактовки неорелигиозных объединений преимущественно как криминальных образований. Он признает, что «... переболел такой духовной лихорадкой, писал всякие экспертизы, памфлеты и доносы. А потом понял: надо проповедовать положительное Учение Церкви.» Не называя имен приверженцев криминализации данной разновидности сект, он выдвигает и обосновывает утверждения, во – первых, о противоречии подобной трактовки вероучительным и нравственным традициям Православия и, во-вторых, пишет о непродуктивности таких приемов противодействия религиозному сектантству. Свои мысли по этому поводу ими были изложены в предисловии к книге « Диспут со «Свидетелями Иеговы» (Стеняев Олег, священник. Диспут со Свидетелями Иеговы. – М., 2004. – С.10).

«Проповедь Православия, - подчеркивает о. Олег, идет не от отрицания чего бы то ни было, а напротив - от утверждения положительного Учения Православной Церкви». Это протестанты «протестуют», а мы утверждаем. И когда нам подсовывают компромат на сектантов, знайте, что это написал сектантски мыслящий человек. Может быть, этот умник и считает себя православным, но на самом деле, он к Православию только приближается». Поэтому, поясняет православный сектовед, проповеди Православия не способствуют изыскания на тему, сколько жен было у Муна, был ли Давид Берг педофилом, а Рон Хаббард наркоманом. В наше время, признает отец Олег, «православного миссионера нередко провоцируют стать на соблазнительный путь сыскаря - любителя или, хуже того, сексота, что превращает само миссионерское служение в некий придаток

секуляризированного общества, а религиозный опыт такого человека в мало чем отличается от сектантского».³ Такие «миссионеры отодвигают в сторону Библию и берут в руки Гражданский или Уголовный кодекс. Они занимаются только сбором компромата на руководителей сект и на рядовых сектантов. Что можно сказать об этом? Их изыскания, с религиозной точки зрения, заведомо бесполезны, их деятельность на руку противникам Православия». Попутно Олег Стеняев упрекает православных миссионеров, что они «напрочь отказываются от любых встреч и контактов с сектантами и занимаются только кабинетными баталиями... А если и соглашаются на встречу с сектантами, то делают это с единственной целью - пополнить свой компромат на них» (Там же. – С.17).

Негативное отношение к определению «тоталитарная секта» тот же священник Олег Стеняев повторил в своём интервью 30 мая 2008 г. порталу Credo. ru. *«Наша полемика с сектами,- объясняет он,- носит вероучительный характер. Оценивать их социальную значимость по криминальной шкале – дело не церковных людей, правоохранительных органов. Я не думаю, что преступления одного «сектанта должны бросать тень на всю секту. ... Более того, я считаю, что зачастую в морально- нравственном смысле «сектанты» стоят выше тех, кто с ними борется».*

Существенное место в формировании отношения современного российского общества к новым религиозным образованиям занимают средства массовой информации. В большинстве СМИ природа НРД предельно упрощается и чаще всего сводится к одной из разновидностей криминальных образований. Ведущей линией восприятия неорелигиозных образований конфессиональными СМИ выступает трактовка данного феномена как ереси, осуждение ложного понимания какого-либо вероучительного положения нетрадиционных религий, либо обрядовой практики. Гипертрофирование такой исходной установки затушевывает значение социальных, психологических и иных «земных» причин, влияющих на возникновение и функционирование феномена новых религиозных движений в целом и конкретных типов его проявления.

Сюжеты о происках тоталитарных сект и культов присутствуют и на телепередачах, название которых тематически весьма далеко от религиозного сектанства. На негативное восприятие таких передач направлены непереносимое включение в них «затравки» в виде картинки, сразу же настраивающая телезрителя на резко отрицательное отношение к неорелигиозным группам.

«Тема сект» всплывает и во время избирательных компаний. Стремясь заручиться поддержкой православных избирателей, некоторые кандидаты в депутаты местных и центральных законодательных собраний включали в свои предвыборные программы обещания защищать и приумножать православную веру и всячески противостоять деятельности вредоносных сект, особенно деструктивной и тоталитарной направленности.

За без малого двадцатилетнее существование в СССР, а затем и в посткоммунистической России новые религиозные движения не превратились в заметный и влиятельный фактор духовно-религиозной жизни российского общества. Ни по одному из существенных показателей - численности последователей, укорененности в национально-культурные традиции народов России - новые религиозные объединения не способны эффективно конкурировать с традиционными верованиями, прежде всего с православием и исламом.

Наиболее продвинутым и достаточно многочисленным разновидностям новых религиозных образований всё же не удалось освободиться от негативного имиджа сект и культов. СМИ, Русская Православная Церковь, некоторые массовые социально-политические движения по-прежнему рассматривают секты и культы как чуждые силы, разрушающие культурно-нравственные основы общества, наносящие вред духовному и психическому здоровью людей. Некоторым новорелигиозным объединениям приходится на протяжении многих лет участвовать в судебных разбирательствах, в которых рассматриваются иски по поводу нарушения ими российского законодательства. Другие

столкнулись с проблемами сокращения численности последователей и вынуждены основное внимание сосредоточивать на недопущение полного распада организации.

Новые религиозные организации, достаточно успешно действующие в других странах, не смогли применить в России апробированные формы и способы вхождения в социально-экономическую жизнь. Сопоставление обстоятельств адаптации Церкви Объединения к американской и российской действительности показывает, что в отличие от США в России последователям учения Муна не удалось эффективно развернуть экономическую составляющую своей деятельности. Между тем после 5-7 лет пребывания в США Мун уже обзавелся на территории этого государства предприятиями, гостиницами, построил университет и приобрел газету «Вашингтон Таймс».

Возникают сложности закрепления в социальной памяти предлагаемых неорелигиями как ценностных, так и практических императивов человеческой деятельности. Неукорененность религиозно-нравственных идеалов НРД (вне зависимости от иностранного или местного происхождения), в пластах национальных культур и традиций народов России делает проблематичным сколько-нибудь заметное влияние на направления духовной жизни, не говоря о воздействии на ход социально-политических процессов. Поэтому постоянно появляющиеся предостережения о том, будто новые религиозные движения рвутся к власти следует отнести к риторике, не отражающей их реальную природу и реальные возможности. Несмотря на провозглашение формально-юридического равенства религиозных объединений, предоставления возможности новым религиозным образованиям открыто действовать на российской территории, такие образования не восприняты позитивно подавляющей частью населения страны и не легитимированы в устойчивые культурно-символические формы. Тем не менее, отсутствие эффективных форм культурного выражения, органичной включенности в социодинамику позволяет новым религиям существовать, развиваться, а менее удачливым - деградировать.

Каков же прогноз на будущее? Могут ли новые религиозные движения все более распространяться по всей России, охватывая людей разных культур, наций, социальных и возрастных групп? Сумеют ли эти движения эффективно действовать в обществе, постоянно раздираемом национальными, межконфессиональными и вооруженными конфликтами? Удастся ли религиозным новообразованиям поддерживать вероучительную и организационную дисциплину, предотвращая тем самым появление группировок и не допуская раздоров и расколов?

Хотя некоторым новым религиозным движениям удалось получить в современной России статус централизованных религиозных организаций, обзавестись собственными богослужебными помещениями и офисами, устоять перед натиском своих влиятельных оппонентов, в целом феномен НРД был и остается маргинальным в нескольких значениях этого термина. Прежде всего, ни одно новое религиозное движение не сумело стать органичной частью преобладающих этнокультурных, национальных традиций народов России. Предпринятые некоторыми неорелигиозными образованиями попытка обосновать свою укорененность или хотя бы совпадение своих вероучений, культовой практики и социально-нравственных наставлений с прошлой и настоящей социокультурной средой Российского общества не привели к существенным переменам имиджа НРД.